

УДК 82.161.1(091)"18"

«SENILIA» И.С.ТУРГЕНЕВА И СТИХОТВОРЕНИЯ Ф.И.ТЮТЧЕВА КАК РЕПЛИКИ НАТУРФИЛОСОФСКОГО ДИАЛОГА

Ирина Алексеевна Калашникова

аспирант кафедры литературы и журналистики

Сургутский государственный педагогический университет

628401, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ 10/2. flos-costus@yandex.ru

В статье рассматривается один из аспектов проблемы творческого диалога двух классиков русской литературы – генетические и типологические связи в натурфилософских художественных картинах мира, воссозданных в лирике Ф.И.Тютчева и «Стихотворениях в прозе» И.С.Тургенева.

Ключевые слова: Ф.И.Тютчев; И.С.Тургенев; «Стихотворения в прозе»; творческий диалог; натурфилософия.

«Стихотворения в прозе» И.С.Тургенева – глубоко своеобразное в жанровом и художественном отношении произведение литературы. Цикл лаконично обобщает творческий путь писателя, в сконцентрированном виде представляет основные мотивы и комплексы проблем всего его творчества. Среди них проблемы взаимоотношений человека и природы, места человека в мироздании занимают, на наш взгляд, центральное место.

Исследователями не раз отмечалась взаимосвязь между тургеневским циклом и лирикой Ф.И.Тютчева в вопросах, касающихся понимания сущности природы. Говорилось о «космическом» видении природы И.С.Турганевым, *перекликающимся* с тютчевским [Щеблыкин 2002: 35], о *близости* изображения природы в «Senilia» элегически настроенной лирике поэта [Озеров 1969: 161], о *сближении* натурфилософских позиций двух художников слова [Арина 1986: 87]. Однако до сих пор проблема натурфилософского диалога И.С.Турганева и Ф.И.Тютчева не получила полноценного освещения. Вместе с тем, она представляется чрезвычайно актуальной, поскольку отражает не только специфику художественных картин мира каждого из писателей в отдельности, но и некоторые особенности русского литературного процесса середины XIX в., тяготеющего к творческому взаимодействию, взаимопроникновению и взаимоотражению различных своих элементов: поэзии и прозы, реализма и романтизма, идеалистических и материалистических основ мировоззрения писателей.

Широко известно внимательное, глубоко неравнодушное отношение И.С.Турганева и Ф.И.Тютчева к личности и творчеству друг друга. Так, познакомившись в начале 1850-х гг. [Лаврецкий 1923: 244], писатели довольно часто встречаются в 1853 г. в Петербурге, что приводит к возникновению между ними дружеских отношений. Дочь поэта Анна в письме к сестре Екатерине от 28 декабря 1853 г. (9 января 1854 г.) замечает, что в их отца И.С.Турганев «положительно влюблен». Она ярко характеризует отношения приятелей, указывая черты сходства в их натурах: «Папа и он [И.С.Турганев. – И.К.] – лучшие друзья; встретившись, они проводят целые вечера один на один. Они так хорошо соответствуют друг другу – оба остроумны, добродушны, вялы и неряшливы» [Цит. по: Тютчев 2005, V: 408]. Личное общение двух художников слова переросло впоследствии в плодотворные творческие отношения. Во многом именно благодаря содействию И.С.Турганева, который стал инициатором и редактором публикации стихотворений своего старшего товарища в журнале «Современник» и отдельным сборником, а также автором глубокой и тонкой критической статьи «Несколько слов о стихотворениях Ф.И.Тютчева», поэзия создателя «Этих бедных селений...» стала широко известна читающей публике. Характерно и то, что именно натурфилософские мотивы подмечались писателями в творчестве друг друга и вызывали горячий отклик у обоих. Например, характеризуя в письме к жене Эрн.Ф.Тютчевой книгу «Записки охотника», поэт отмечает «мощь таланта» молодого пи-

сателя, его тонкое и глубокое понимание природы [Тютчев 2005, V: 121]¹. И.С.Тургенев также высоко оценивает тютчевское чувство природы – необыкновенно тонкое, живое и верное. По мнению автора «Отцов и детей», Ф.И.Тютчев обладает «каким-то особенным воззрением на природу, особенным чутьем ее красот» [Тургенев 1963, Соч. V: 418]². Все это определяет возможность сопоставления натурфилософских образов и мотивов в произведениях Ф.И.Тютчева и И.С.Тургенева.

Следует отметить также, что перекличка представлений писателей о природе и человеке, наблюдаемая в тургеневском цикле «Senilia» и лирике Ф.И.Тютчева, – это лишь эпизод их сложного, глубокого, многоуровневого, продолжавшегося многие годы натурфилософского и – шире – творческого диалога. Проявления диалогических отношений обнаруживаются как в художественных произведениях обоих, так и в публицистике и эпистолярном наследии. Например, достаточно часто в личной переписке И.С.Тургенева встречаются цитаты из тютчевских стихотворений («Эти бедные селенья...», «Не рассуждай, не хлопочи...», «Как дымный столп светлеет в вышине...» и др.). Поэтические строки, войдя в сознание автора «Записок охотника», помогают ему выразить отношение к воссоздаваемым в письмах событиям, емко и лаконично передать свои впечатления. Цитаты из стихотворений Ф.И.Тютчева встречаются и в литературных произведениях И.С.Тургенева (повести «Фауст», очерке «Живые мощи»), углубляя и расширяя художественный смысл этих текстов. Немало тютчевских реминисценций в романах и повестях писателя («Накануне», «Отцы и дети», «Поездка в Полесье» и др.). Особенно важно, что творческие взаимоотношения художников носили не односторонний, а именно диалогический характер, о чем свидетельствует, например, тютчевская поэтическая рецепция романа И.С.Тургенева «Дым», воплощенная в одноименном стихотворении и эпиграмме «"И дым отечества нам сладок и приятен!..."». Все это позволяет рассматривать «Стихотворения в прозе» И.С.Тургенева в контексте творческого диалога двух художников.

Весьма характерным для лирики Ф.И.Тютчева является мотив родства человека и природы, их единства. Так, человеческая мысль и морская волна видятся лирическому субъекту стихотворения «Волна и дума» проявлениями единой стихии. Однако при этом отнюдь не тождественны для него человеческое сердце и море, вмещающие в себя эти два проявления стихии. Сердце тесно, море – безбрежно; в человеке сти-

хия находится «в заключении», в природе же – «на просторе» (II: с.41), но сама она всюду единая.

Свое родство с природой декларирует и лирический субъект тютчевского стихотворения «Нет, моего к тебе пристрастья...»:

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-Земля
(I: с.144).

Называя себя «верным сыном» земли, природы, он отвергает «утехи рая» и «духов бесплотных сладострасть» – всё невоплощённое в осязаемых, плотских образах, отрешённое от земного бытия. Специфика авторской пунктуации стихотворения (продолжение вопросительной интонации во второй строфе, перечисляющей ряд «примет» весны в жизни природы и человека, представляющих собой антитезу «утехе рая») свидетельствует о том, что этому «бесплотному» началу тютчевский лирический субъект противопоставляет одухотворённую, но земную радость бытия, способность предаться природной жизни, отрешившись от человеческих суетных забот:

Весь день в бездействии глубоко
Весенний, тёплый воздух пить,
На небе чистом и высоком
Порою облака следить,
Бродить без дела и без цели...
(там же).

Это же представление о тождественности всего живого развивается и в нескольких из «Стихотворений в прозе» И.С.Тургенева, где, например, с «засыхающим, покоробленным» (Соч. XIII: с.176) деревом сравнивает себя герой тургеневского стихотворения «Старик». А лирический герой миниатюры «Собака» отчетливо ощущает, что в нем и животном «живет одно и то же чувство», что между ними «нет никакой разницы». Перед лицом стихии – «злой и неистовой бури», несущей смерть и разрушение, – герой как бы утрачивает свою «самость», личное начало, отличающее человека от животного: «Нет! это не животное и не человек обмениваются взглядами... Это две пары *одинаковых* глаз устремлены друг на друга». Утрата человеческой обособленности, выделенности приносит герою обостренное понимание, чувство природы, постижение ее сути в различных своих проявлениях: «Она немая, она без слов, она сама себя не понимает – но я ее понимаю». И человек, и животное оказываются одинаково незащитными перед лицом смерти, и именно «трепетный огонек» жизни, который «горит и светится» в каждом, объединяет их в это мгновение: «Смерть налетит, махнет на него своим холодным широким крылом... И

конец! Кто потом разберет, какой именно в каждом из нас горел огонек?» (Соч. XIII: с.148).

Свою родственность маленькой испуганной обезьянке чувствует и герой тургеневского стихотворения «Морское плавание». Капитан, «молчаливый человек с загорелым и сумрачным лицом», отвечает на все попытки героя начать разговор лишь «отрывистым ворчанием»³, и потому обезьянка на корабле для героя – «единственный спутник». В противоположность обособленному, тяготеющему к одиночеству капитану, она постоянно стремится к взаимодействию, к связи с человеком, ищет у него защиты и успокоения. Рассказчик подчеркивает ее близость, подобие человеку: у нее не лапка, а «рука», «ручка», «грустные, почти человеческие глазенки» (Соч. XIII: с.194). Герой постепенно проникается чувством родства к обезьянке, отмечает даже тождество мысли – своей и животного: «Погруженные в одинаковую, бессознательную думу, мы пребывали друг возле друга, словно родные» (там же: с.194–195), «Все мы дети одной матери – и мне было приятно, что бедный зверок так доверчиво утихал и прислонялся ко мне, словно к родному» (там же: с.195). Характерно, что в черновом варианте текст заканчивался описанием вида застывшего моря, эпизод же о капитане и обезьянке был приписан позднее, что свидетельствует о стремлении писателя к усилению лирико-философского звучания стихотворения, углублению мотива родства человека и природы (там же: с.667).

Следует отметить, что столь острое ощущение близости природе, тождественности ее созданиям тургеневские герои обретают в особых, пограничных ситуациях: в старости, когда такой близкой и осязаемой становится смерть («Старик»), перед лицом безудержной, сулящей гибель и разрушение бури («Собака»), рядом с «таинственной и странной» (там же: с.194) водной стихией («Морское плавание»).

Как известно, на тургеневскую трактовку проблемы взаимоотношений человека и природы существенное влияние оказали философские сочинения французского мыслителя XVII в. Блеза Паскаля. Традиционно в качестве времени знакомства И.С.Тургенева с работами философа исследователями указывается период начала 1840-х гг. [Батюто 2004: 352]. Однако не лишенным справедливости видится предположение Т. Б.Трофимовой о том, что знакомство это могло произойти и ранее в связи с интересом С.Н.Тургенева, отца писателя, к сочинениям Н.И.Новикова, автора статьи «Опоследование “Мыслей” Паскалевых и “Характеров” Теофрастовых» (1778), а также с подготовкой будущего

автора «Записок охотника» к магистерскому экзамену по философии [Трофимова 2005: 166–168].

В личной переписке И.С.Тургенев неоднократно выражал свое неоднозначное отношение к философии Паскаля. Так, в письме к П.Виардо от 29 апреля 1848 г. он отмечал: «Жизнь – это красноватая искорка⁴ в мрачном и немом океане Вечности, – это единственное мгновение, которое нам принадлежит и т.д., и т.д., это всё избыто, а между тем это верно <...> Что я делал вчера, в субботу? Я читал <...> “Провинциальные письма” Паскаля. Это вещь прекрасная во всех отношениях. Здравый смысл, красноречие, комическая жилка – всё здесь есть» (Письма I, с.458). Как отмечает А.И.Батюто, «настроение, определяющее начало отзыва о Паскале», навеяно его знаменитыми «Мыслями», к которым писатель и впоследствии будет неоднократно обращаться [Батюто 2004: 352]. Окончание приведенной тургеневской характеристики «Провинциальных писем», в которой писатель называет Паскаля «рабом католицизма», ясно отражает противоречивое восприятие им философии французского мыслителя. У художника вызвали резкое отторжение религиозные убеждения Паскаля, его стремление в бездне онтологических проблем найти опору в вере.

Но мировосприятию И.С.Тургенева оказываются глубоко родственны представления Паскаля о трагической мимолетности человеческого существования в сравнении с бесконечной, вечной и безразличной к нему природой. «Так что же есть человек в природе? Ничто по сравнению с бесконечностью, все по сравнению с небытием, середина между ничто и все» [Паскаль 2003: 108], – размышляет философ. «Покинутый во мраке», «заблудившийся в уголке вселенной», «бессмысленный червь земляной», «сточная яма сомнений и ошибок», «сор вселенной», «атом», «тень, которая существует лишь на один безвозвратный миг» [там же: 82, 106, 171] – эти и другие характеристики, в представлении Паскаля, обозначают положение и значение человека во Вселенной, его ничтожную роль. Но в осознании этого ничтожества проявляется, по мнению философа, величие человека. Он – лишенный короны царь, «свергнутый король» [там же: 77].

В каждом из указанных выше тургеневских текстов писателем утверждается мысль о хрупкости, непрочности человеческой жизни. Он противопоставляет вечность и величие природы мгновению и призрачности человеческого существования. В миниатюре «Разговор» у подножия неоскверненных ног человека альпийских вершин Юнгфрау и Финстерааргорн – «двух

громад, двух великанов» – «копошатся козявки» и «двуножки» – люди. Над горами – величественное, светлое и немое небо, внизу же все ничтожно, «пестро, мелко» (Соч. XIII: с.145). Для вечных горных вершин тысячелетие – лишь минута, и вот уже через несколько «минут» человечество исчезает с лица земли, остаются вокруг только «ровный снег и лед», земля навсегда замолкает, и становится «хорошо», «спокойно» (там же: с.146).

Столь же сиюминутной, преходящей видится человеческая жизнь в противоположность вечной природе субъекту ряда тютчевских лирических текстов. В стихотворении «Брат, столько лет сопутствовавший мне...» он подчеркивает бесследность человеческого существования на земле, неспособность человека что-либо существенно изменить в окружающем мире:

При мне иль без меня – что нужды в том?
Все будет то ж – и выюга так же выть,
И тот же мрак, и та же степь кругом
(II: с.226).

Поэт сравнивает жизненный путь человека с мгновенной вспышкой молнии среди темного неба («Как неожиданно и ярко...»), с льдиной, которая неизбежно должна слиться с «бездной роковой» («Смотри, как на речном просторе...») (там же: с.34).

Вечность мироустройства, природной жизни ощущается и лирическим субъектом стихотворения «В небе тают облака...». Он замечает «вечный строй» (там же: с.190) в искристом течении реки, знойном дыхании полей. Вместе с тем переживания субъекта лишены в данном случае трагизма, ощущения собственного ничтожества, конечности своего существования. Антитеза «вечность – мгновенность» в отношениях человека и природы снимается восторгом от созерцаемых картин, от величественной красоты окружающего мира.

С ощущением хрупкости человеческого существования, его временности, преходящести связан и мотив конца света, развиваемый как в тургеневском цикле («Конец света»), так и в лирике Ф.И.Тютчева («Последний катаклизм»). У обоих художников водная стихия воспринимается как сила разрушительная, но в то же время являющаяся первоосновой всего сущего («Все зримое *опять* покроют воды», Ф.И.Тютчев (I: с.74)). Оба упомянутых художественных текста едины также своим значением провидческого сна, откровения, тенденцией к мифологизации картины. В тютчевском стихотворении об этом свидетельствует, в частности, особая графика черновика (которая не была сохранена в печатном варианте): прописные буквы в словах «Час»,

«Частей», «Земных», «Зримое», «Воды», «Божий» (там же: с.334). Такая специфика написания ключевых в тексте слов характеризует стремление поэта графически расставить существенные акценты в ряду базовых онтологических понятий.

Но указанное сходство лишь отчетливее, нагляднее выявляет самобытное звучание апокалиптических мотивов у каждого из писателей. Тургеневский конец света изображается как трагическое разрушение мироздания, абсолютное торжество хаоса и стихии. Писатель акцентирует внимание на психологическом состоянии человека в критический момент («Ужас леденит наши сердца» (Соч. XIII: с.154)), на специфику его мировосприятия («Это небо – точно саван», «Умер воздух, что ли?» (там же)), на всепоглощающих жутких ощущениях, охватывающих весь мир («Это земля завывла от страха... Конец ей! Конец всему!», «Темнота... темнота вечная!» (там же: с.155)). Однако трагичность картины гибели земли и всего живого отчасти нейтрализуется мотивом пробуждения героя от кошмара, авторской жанровой номинацией «сон», вынесенной в подзаголовок текста. Последний катаклизм в тютчевском фрагменте как будто вовсе не затрагивает человека. Катастрофа воспринимается как неизбежность, закономерность. Земля остается наедине со стихией, но хаотический распад оказывается побежден присутствием божественного начала, в связи с чем стихотворение обретает риторическое звучание.

И у Ф.И.Тютчева, и у И.С.Тургенева человек ощущает свое ничтожество перед природой, свою незащищенность и беспомощность перед ее стихийными силами. Так, герой тургеневской миниатюры «*Мои деревья*»⁵, бывший университетский товарищ рассказчика, больной, ослепший, разбитый параличом, изображен абсолютно беспомощным, бессильным. Чахлый и скрюченный, даже летом закутанный в шубу, с могильным голосом, он приветствует рассказчика «на *моей* наследственной земле, под сенью *моих* вековых деревьев!» [курсив И.С.Тургенева. – *И. К.*] (Соч. XIII: с.218). Лирическому герою очевидна вся нелепость этих пафосных слов, сказанных «полумертвым червяком» о «тысячелетнем исполине». Но «добродушный и тихий смех», которым представляется рассказчику шорох листьев могучего дерева, – это ответ и на похвальбу «ползающего у корней» его старика, и на мысли самого рассказчика (там же).

Ничтожным ощущает себя и лирический субъект тютчевского стихотворения «С поляны коршун поднялся...». Противопоставляя себя, бескрылого, пресмыкающегося в поте и пыли,

свободному сыну природы (коршуну), он с горькой усмешкой называет себя «царем земли» (I: с.161), по сути отрицая это гордое имя. Лирический субъект с завистью и болью глядит на мощные и живые крылья птицы и ощущает себя приросшим к земле, неспособным к истинной свободе. «Беспомощное дитя» (II: с.189) – человек перед стихийной силой природы в стихотворении Ф.И.Тютчева «Пожары», навеянном впечатлениями от лесных пожаров под Петербургом летом 1868 г. Огонь предстает в художественном тексте как воплощение «стихийной вражьей силы», как «злой истребитель» и «полномочный властелин» мира, персонифицируется в образе «красного зверя», украдкой пробирающегося между кустами. «Бездна дыма» обволакивает землю, подчиняя себе все живое. Человек же перед этой стихией-врагом «стоит уныло», «молча, руки опустя» (там же).

Природа по отношению к человеку выступает у обоих художников часто равнодушной и даже жестокой. Персонифицированная в образе «величавой женщины» (Соч. XIII: с.188) с «темными, грозными глазами» и «зычным голосом, подобным лязгу железа» (там же: с.189) в миниатюре И.С.Тургенева «Природа», она не ведает добра и зла, не руководствуется разумом и не знает справедливости. Она не видит разницы между блохой или червем и человеком, являясь матерью «всех тварей», о которых она одинаково заботится и которых одинаково истребляет. Единственное, что ее волнует, – сохранение закона равновесия. Человек перед ней ощущает «благоговейный страх» (там же: с.188). Отсутствие справедливости, целесообразности в мироустройстве, «слепота» природы в ее выборе между жизнью и смертью для живого существа (как для животного, так и для человека) подчеркивается писателем и в стихотворении в прозе «Куропатки», написанном в преддверии предсмертной болезни автора, причинявшей ему тяжелые физические страдания.

Столь же равнодушной к человеку, его мыслям и деяниям является природа и в ряде стихотворений Ф.И.Тютчева. Тютчевский лирический субъект не раз отмечает свою оторванность от вечной природы, свою чуждость ей, ощущает иллюзорность попыток соединения с природой. Этот мотив, например, возникает в стихотворении «Весна» («Как ни гнетет рука судьбины...»):

Весна... Она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор ее сияет,
И ни морщины на челе...
(I: с.183).

Глубокое ощущение трагичности человеческого бытия отличает и более позднее лирическое произведение Ф.И.Тютчева «От жизни той, что бушевала здесь...», которое, пожалуй, наиболее полно представляет и развивает указанный мотив. Это стихотворение было написано под впечатлением поездки в село Вщиж Орловской губернии, которое когда-то было столицей удельного княжества и сохранило древние курганы, напоминающие о кровавых страницах истории села. Лишь эти курганы и могучие дубы, выросшие из праха погибших воинов, и уцелели от «бушевавшей» здесь некогда жизни, от «лившейся рекой крови» (II: с.234). Они хранят для человека память о давно минувших событиях, но сами безразличны к ним. Природа равнодушна ко всему, что происходит на земле среди людей. Да и само существование человека видится лирическому субъекту призрачным, иллюзорным:

Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих – лишь грезой природы
(там же).

Жизнь человеческую тютчевский лирический субъект называет «подвигом», но – подвигом «бесполезным», ведь в конце своего существования человек вновь возвратится в лоно матери-земли, которая каждого смертного

...равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной
(там же).

Заключительные строки стихотворения могут быть истолкованы двояко: с одной стороны, соединение с землей примиряет человека с нею, умиротворяет его, но вместе с тем и обесценивает все, что он совершил в жизни, поглощает человеческую мысль, любовь, счастье. В этом видится лирическому субъекту Ф.И.Тютчева основа трагичности человеческого существования.

Противопоставление своей быстротечной жизни вечности природы часто рождает в душе тютчевского и тургеневского лирических героев ощущение драматической дисгармонии с миром. Каждый из них находит своеобразный выход из этой дисгармонии.

Человек, обладающий сознанием, в понимании И.С.Тургенева, все же выделяется из ряда других детей природы. Наличие памяти позволяет старику, герою одноименного тургеневского стихотворения в прозе, в своих воспоминаниях, в душе вернуться к прежней жизни, которая может блеснуть перед ним «своей пахучей, все еще свежей зеленью и лаской и силой весны» (Соч. XIII: с.177). Сознание помогает человеку осмыслить свое положение в мироздании и в какой-то

степени примириться с ним. Так, лишено трагизма понимание смерти как конца существования личности, индивидуальности, но и звена непрерывной цепи природной жизни героем миниатюры «Дрозд I». Бессмертной, вечной представляется герою стихотворения в прозе «Стой!» красота, соединяющая в себе начала естественности (природы) и искусства. Мотивами стоического отношения к жизни⁶ наполнена миниатюра «Мы еще повоюем!», герой которой наблюдает «бойко, забавно, самонадеянно» (там же: с.197) резвящихся воробьев, не боящихся кружащего в небе ястреба. Эта картина вселяет в его сердце отвагу, удаль, охоту к жизни.

В понимании Ф.И.Тютчева, сознание играет почти обратную роль. Оно, по мысли поэта, и является причиной разлада, разобщенности человека и природы. «Мыслящий тростник» (II: с.142) ропщет, душа его отчаянно протестует, но не может достичь желанного единения с внутренне гармоничной, самодостаточной природой («Певучесть есть в морских волнах»).

В этом тютчевском стихотворении, как и в ряде других его художественных текстов, отчетлива связь художественной мысли автора с философией Б.Паскаля. Как и И.С.Тургенев, поэт был хорошо знаком с философией французского мыслителя. Первое упоминание о книге «Мысли» в переписке Ф.И.Тютчева относится к октябрю 1820 г. – времени обучения поэта в Московском университете. В письме к М.П.Погодину, товарищу Ф.И.Тютчева по университету, с которым он, по всей вероятности, обменивался книгами, будущий создатель «Silentium» просит прислать ему «"Pensées" de Pascal» <«Мысли» Паскаля> (IV: с.10). К рождеству 1860 г. поэт преподносит в подарок своей младшей дочери Марии две книги сочинений французского философа – «Мысли» и «Письма к провинциалу». При этом он, очевидно, ориентируется не только на особенности характера и натуры Марии Федоровны, не любившей светскую жизнь и склонной к самоуглублению и нравственным поискам, но и на собственный эстетический и этический вкус [Белевцева 1989: 632–633].

В исследованиях поэзии Тютчева неоднократно указывалось⁷, что паскалевские «Мысли» являются источником метафоры «человек – «мыслящий тростник»», лежащей в основе стихотворения. «Человек – всего лишь тростинка, самая слабая в природе, но это тростинка мыслящая» [Паскаль 2003: 112], – заключает философ. С его точки зрения, именно мышление, сознание своего ничтожества способно возвысить человека. Сознание, по Ф.И.Тютчеву, напротив, может даровать человеку лишь призрачную, а не

истинную свободу, оно разделяет человека и природу, выводит его голос из стройного хора природы.

Единственной возможностью приобщения к природной жизни, слияния с ней тютчевскому лирическому субъекту видится отказ от собственной индивидуальности, от личностного начала в человеке. Он жаждет «вкусить уничтоженья», смешаться «с миром дремлющим», переполнить свою душу «мглою самозабвенья» («Тени сизые смешались...») (I: с.159), потопить ее в обаянии морских волн («Как хорошо ты, о море ночное...»). В этом саморазрушении, представляется лирическому субъекту Ф.И.Тютчева, и кроется тайна единения с природой, растворения в ней.

Смысловая конвергенция, отчетливо проявляющаяся в натурфилософских представлениях И.С.Тургенева и Ф.И.Тютчева, позволяет рассматривать их произведения как реплики творческого диалога⁸. Созвучие «голосов» писателей в этом диалоге очевидно. Выявленные типологические схождения во взглядах Ф.И.Тютчева и И.С.Тургенева на природу, человека и их взаимоотношения, на место человека в мироздании, а также их единые философские предпочтения (интерес к сочинениям Б.Паскаля) демонстрируют сходные позиции их как участников диалога. Вместе с тем натурфилософские картины мира Ф.И.Тютчева и И.С.Тургенева отнюдь не тождественны друг другу, а напротив, выявляют различный ход художественной мысли писателей при решении одних и тех же проблем.

¹ В дальнейшем стихотворения и письма Ф.И.Тютчева цитируются по этому изданию с указанием тома и страниц в круглых скобках.

² В дальнейшем произведения и письма И.С.Тургенева цитируются по этому изданию с указанием раздела издания, тома и страниц в круглых скобках. Например: (Соч. V: с.418).

³ Создавая образ капитана, И.С.Тургенев использует весьма значительную в системе художественной картины мира писателя деталь: его герой «сердито плевал в застывшее море» (Соч. XIII: с.194), что сродни пренебрежению и даже осквернению природы. Это достаточно странное качество для человека, чья жизнь по определению связана с морской стихией.

⁴ Ср. с метафорой «трепетного огонька» жизни в цитирувавшемся выше стихотворении в прозе «Собака».

⁵ Концевая позиция, которую занимает миниатюра в составе цикла, завершая его, подчеркивает ключевое значение развиваемых в тексте проблем в авторской концепции всего художественного произведения в его целостности.

⁶ О близости мировоззрения И.Тургенева философии стоиков см.: [Батюто 2004: 378–382].

⁷ См., напр.: [Бухштаб 1970: 33].

⁸ В данном случае термин «диалог» трактуется в рамках концепции М.Бахтина. См., напр.: [Бахтин 1997: 173–178].

Список литературы

Аринина Л.М. «Стихотворения в прозе» И.С.Тургенева и лирика Ф.И.Тютчева последнего периода // Вопросы романтического миропонимания, метода, жанра и стиля: межвуз. тематич. сб. науч. тр. / под ред. Н.А.Гуляева. Калинин, 1986. С. 86–96.

Батюто А.И. Тургенев-романист // Батюто А.И. Избранные труды / отв. ред. С.А.Батюто. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 315–568.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари. 1997. С. 159–206.

Белевцева Н.П. Аннотированное описание книг, принадлежавших Ф.И.Тютчеву // Литературное наследство. Т. 97, кн. 2. М.: Наука, 1989. С. 631–649.

Бухштаб Б.Я. Тютчев // Бухштаб Б.Я. Русские поэты: Тютчев. Фет. Козьма Прутков. Добролюбов. Л.: Худ. лит., 1970. С.9–75.

Лаврецкий А. Тургенев и Тютчев // Творческий путь Тургенева: сб. ст. / под ред. Н.Л.Бродского. Пг.: Сеятель, 1923. С. 244–276.

Озеров Л.А. «Стихотворения в прозе» И.С.Тургенева // Мастерство русских классиков. М.: Советский писатель, 1969. С. 153–218.

Паскаль Б. Мысли. Малые сочинения. Письма / пер. с фр. Ю.Гинзбург. М.: Пушкинская б-ка, АСТ, 2003. 528 с.

Трофимова Т.Б. И.С.Тургенев и Паскаль (Проблема реминисценций) // Спасский вестник: Вып.12. Тула: Гриф и К, 2005. С. 166–173.

Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. М.-Л.: Наука, 1960-1968.

Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма: в 6 т. М.: Классика, 2002-2005.

Щеблыкин И.П. «Стихотворения в прозе» в контексте этико-философских представлений И.С.Тургенева // Актуальные проблемы изучения литературы и культуры на современном этапе: сб. статей и материалов Региональн. науч. конференции, посвященной д.ф.н., проф. С.С.Конкину / под ред. В.И.Демина. Саранск, 2002. С. 34–41.

“SENILIA” BY I.S. TURGENEV AND POEMS BY F.I. TYUTCHEV AS THE CUES OF THE NATURAL PHILOSOPHY DIALOGUE

Irina A. Kalashnikova

Post-graduate Student of Literature and Journalism Department
Surgut State Pedagogical University

The article deals with the aspect of the problem of the creative dialogue between two Russian literature classics – genetic and typological ties in the natural philosophy world pictures reconstructed in Tyutchev’s lyrics and in the “Prose poems” by I.S. Turgenev.

Key words: F.I. Tyutchev; I.S. Turgenev; “Prose poems”; creative dialogue; natural philosophy.